

Вот опять приходит весна...

Была гулкая весенняя ночь. Хрустел и обламывался под ногами новорожденный ледок; пахло илом, прошлогодней травой и конским навозом, в великом избытке скопившимся на дороге за зиму. Река недавно «ушла». Никто не видел, как это случилось, потому что застрявший у Старого Перевоза лед тронулся ночью. К утру река была совсем чиста, и только редкие рыхлые льдины, шурша и обламываясь, плыли по мутной воде.

Обычно в эту короткую беспокойную пору под покровом густеющей тьмы на берегу появлялись отягощенные рыбацкой амуницией мужики. То там, то здесь под набережной раздавался всплеск; тугой неповоротливый сак с натугой подтаскивали к берегу; слышно было, как колотится на земле пойманная рыба; вспыхивал жидкий пучок света, и в желтом его пятне заскоруженные руки расторопно распахивали скользких доверчивых налимов и узких юрких щурят по засаленным холщовым котомкам. Мешкотно разобрав колпак из частой веревочной ячеи, вновь и вновь заводили тяжелый еловый шест над темной беспокойной водой...

На этот раз берег был на удивление пуст. Закончился в клубе последний сеанс, отгрохотавший пулеметными очередями и топотом конских копыт. Смеясь и покуривая, на улицу из светлого проема двери вышли последние зрители. Некоторое время еще слышались их затихающие шаги и голоса, но и они вскоре замерли, и вот теперь, кроме тихого шелеста реки и звезд, мерцавших в ее текучей мгле, льдисто и нежно обламываясь и едва слышно звеня, ничего как будто бы и не было вокруг.

Ночь снизошла на меня, как наваждение, и я не знал, как ею распорядиться. Бесцельно бродя по набережной и вглядываясь в россыпи звезд, упавших в воду, я размышлял о бесконечности, тайна которой занимала меня в те давние дни. Но мысли путались, и я легко сбивался на другое. Река смутно блестела меж темных неподвижных берегов, а я зачем-то вслушивался в сырую рассеянную тишину, стараясь уловить, как журчит и всплескивает вода, подчиняясь таинственным силам Кориолиса, о которых я читал в учебнике физики. Все менялось в этой беспредельной ночи. Взошла луна, и еще ниже опустились звезды. Глубокие черные тени легли от дерева к дереву, от дома к дому...

...Долго сидел я на причальной тумбе, рассеянно глядя на воду, но вряд ли смог бы внятно сказать, о чем я тогда думал, вспоминал, а может быть, просто мечтал как мечтают дети, когда им не спится и сладко щемит в груди. Я догадывался, что есть нечто общее, невероятно сложное и, вместе с тем, до удивления простое в том, что я чувствовал и переживал тогда, и в том, что происходило во всем этом безмерном мире, который открылся мне в ту ночь. Мне даже казалось, что влажное дыхание реки и мерцающий сумрак ночного неба только потому и связаны единой нерасторжимой связью, что есть я или кто-то другой, кому тоже не спится сейчас.

Бог знает, что мерещилось мне на берегу. Как в лунатическом сне, бродил я, не помня себя, по тесаным плитам старинной набережной, спускался к самой воде, прикасался щекой к шершавым стволам столетних берез, подолгу стоял, привалившись к ним спиной, чувствуя, как стынут в мокрых ботинках ноги, как зябнет лицо. Помню, что пришлось мне в голову пройти по узким перилам деревянного моста, и я пошел, раскинув руки и напрягая мышцы ног, ничего под собой не видя, кроме тьмы и лунных проблесков на воде. Я не испытывал страха, но, спрыгнув с перил, долго не мог унять противную дрожь в коленях.

И только тут я почувствовал, как устал. Улицы были по-прежнему пусты, со всех сторон без умолку лаяли собаки, возбужденные необычно яркой луной и запахами, которые были в ту ночь так отчетливы и густы. Они поднимались от примороженной земли, текли от леса, с полей и дорог. Бесновался, гремя цепью, и наш Пират. Его голос, гулкий и чистый, я узнал издали, уловив в нем несвойственную собаке тревожную растерянность. «Пиратушка! Пиратушка!» - позвал я его, подходя к дому. Он заскулил, рванулся ко мне, забыв про цепь, и чуть было не опрокинулся навзничь - так силен был его рывок. Я обхватил его за шею, похлопал по лохматым бокам, чувствуя, как колотится собачье

сердце. Он присмирел, лизнул меня в щеку, успокоился. Из огорода тянуло банной горечью и навозом, в хлеву ворочалась и вздыхала корова. Дом был темен и глух, будто покинутый всеми.

Толкнулось и сжалось в тревоге сердце, хотя я прекрасно знал, что все давно спят, и бабушка, когда я потихоньку закрою дверь на засов и, стараясь не шуметь, прошмыгну в спальню, обязательно проворчит спросонья: «Опять поздно пришел! Ужо батьку скажу...» А я молчком проскользну в свой угол у окна, разденусь, лягу в холодную постель и, дрожа от только что пережитого, буду вспоминать звезды в темной воде, опустевшие улицы, свои неясные мысли... И, может быть, скоро усну, не видя, как лунный свет хозяйничает в доме, рисуя на глухой стене четкий силуэт окна и старой березы, склонившей к нему свои слабые ветви...

Вот опять приходит весна. Я давно живу в городе, где пахнет паровозной гарью, а по ночам с тревожным прерывистым шумом один за другим проносятся скорые поезда. Иногда я гашу в комнате свет и смотрю, как мелькают они освещенными окнами, слушаю, как постанывают рельсы, когда поезд промчится и растает вдали, как эхо, которое никто никогда не видел. Я вглядываюсь в темноту за окнами и думаю, думаю о чем-то, уносясь мыслями неведомо куда. Еще не сошел снег, в темноте он смутно белеет, тускло блестят схваченные недолговечным льдом лужи на дороге - обычная, много раз виденная картина. Только почему в неясной тревоге сжимается сердце, когда выкатывается из-за соседнего дома медноликая луна и все меняет на свой причудливый вкус? Бездонной и гулкой становится ночь, наполненная шорохами и звуками, которых я не слышу сквозь двойные рамы.

Ах, память, память!.. Что же делаешь ты со мной, возвращая в ту далекую пору, к тем берегам, где я теперь нечастый гость?